

Litera

Правильная ссылка на статью:

Колмыкова Я.С. Влияние глобального языкового контекста на лексический выбор у казахско-русских билингвов // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76478 EDN: IDHZQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76478

Влияние глобального языкового контекста на лексический выбор у казахско-русских билингвов

Колмыкова Яна Сергеевна

ORCID: 0009-0002-3630-1895

аспирант, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ведущий специалист, департамент образовательных проектов; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ kolmykova-ya@rudn.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76478

EDN:

IDHZQH

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: В данной работе процесс языкового выбора у казахско-русских взрослых билингвов рассматривается как конкурентный когнитивный механизм. Языковой выбор у казахско-русских билингвов может регулироваться внешними языковыми и социальными факторами, совокупность которых представляет собой глобальный языковой контекст коммуникации, а также может модулироваться индивидуальными особенностями языковых компетенций казахско-русских билингвов. Объектом настоящего исследования стало влияние глобального языкового контекста на языковой выбор у казахско-русских билингвов. Предметом исследования является лексический выбор у казахско-русских билингвов в предложенных экспериментальных условиях с варьированием глобального языкового контекста. Целью исследования является соотнесение характеристик

индивидуальных языковых профилей казахско-русских взрослых билингвов с лексическим выбором в условиях заданного глобального языкового контекста. Исследование было проведено с помощью авторской экспериментальной методики, в условиях которой глобальный контекст моделировался с помощью языка предъявленной перед прохождением эксперимента инструкции. Полученные данные были проанализированы с точки зрения статистической значимости. Затем был произведен качественный анализ зависимости переменных: языка инструкции и первого языка испытуемого. Основные результаты показали, что участники эксперимента продемонстрировали разные сценарии влияния глобального языкового контекста на языковой выбор, в зависимости от L1. Билингвы с доминирующим русским языком демонстрировали варьирующееся поведение, в зависимости от языка инструкции; билингвы с доминирующим казахским языком стабильно придерживались казахского языка, независимо от языка инструкции; сбалансированные билингвы чаще выбирали язык, противоположный языку инструкции. Область применения данных может быть охарактеризована как исследовательская и экспериментальная (в сфере психо- и нейролингвистики); также видится практический потенциал применения результатов в педагогической и логопедической работе с билингвами. Новизна исследования заключается в том, что впервые экспериментально подтвержден эффект глобального языкового контекста на малоизученное в психолингвистике языковое поведение казахско-русских билингвов. В результате исследования был сформулирован вывод: глобальный языковой контекст оказал неоднородное влияние на билингвов и мог активировать как целевой, так и нецелевой язык, в зависимости от индивидуального языкового профиля билингва и комплекса социокультурных факторов.

Ключевые слова:

билингвизм, казахско-русские билингвы, лексический выбор, глобальный языковой контекст, языковой профиль, язык инструкции, языковая доминантность, переключение кода, психолингвистический эксперимент, дистракторы

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН № 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики»

Введение

Естественным способом коммуникации в казахско-русской языковой среде является регулярное и динамическое смешение и переключение кодов, широкое использование в речи иноязычных вкраплений и заимствований. Стратегия билингвальной коммуникации определяется совокупностью факторов: автоматизация речевых навыков или недостаточная языковая компетентность в одном из языков, эмфатическая окраска высказывания, тема общения, социальные роли участников, их возраст и пол, формат речи и пр. ^[1] Есть основания полагать, что глобальный языковой контекст ситуации общения, представляющий собой совокупность перечисленных аспектов, способен повлиять на выбор языкового кода у казахско-русского билингва.

Постановка проблемы

В широком смысле глобальным языковым контекстом принято называть языковой фон коммуникации ^[2, 3]. Понятие было разработано в исследованиях Т. Слама-Казаку ^[4] и В.Я. Мыркина ^[5], которые рассматривали его в коммуникативном аспекте. Более поздние

исследования предложили взгляд на глобальный языковой контекст с экспериментальной точки зрения. В. Ван Хевен и коллеги доказали, что активация одного из языков у билингва представляется как конкурентный процесс [6]. При этом оба языка постоянно находятся в активированном состоянии, и окончательный выбор кода происходит в соответствии с оценкой билингвом языкового фона коммуникации. Эта идея была продолжена Д. Грином и Д. Абуталеби, которые сформулировали гипотезу адаптивного контроля выбора языка у билингва, согласно которой выбранный код соответствует глобальному контексту коммуникации [7]. В современных исследованиях активно применяется метод моделирования глобального языкового контекста в экспериментальных условиях с помощью языка инструкции (а также языка интерфейса, общения с экспериментатором и пр.), предъявляемой участникам и формирующей «преднастройку» языка: например, в работе Т. Голлан и М. Голдрика [8] билингвальные участники чаще выбирали стимулы на языке предварительно предъявленной перед экспериментальной задачей инструкции. Однако имеются новые сведения о влиянии глобального языкового контекста в разных экспериментальных условиях: в недавнем исследовании О.А. Паршиной и коллег глобальный языковой контекст эксперимента не оказал значимого эффекта на движение глаз у русско-английских билингвов при чтении текста со смешанным языковым кодом [9]. Описанные данные указывают на то, что эффект глобального языкового контекста в ситуации языкового выбора у билингвов может варьироваться в зависимости от стимулов, условий их предъявления, целевых реакций. В рамках нашего исследования мы сосредоточили внимание на малоизученном аспекте языкового выбора у казахско-русских билингвов. Данные современных казахстанских исследований подтверждают, что коммуникация в казахско-русской билингвальной среде отличается кодовой неоднородностью, а выбор кода в таких условиях представляется как комплексный социолингвистический процесс [10, 11]. Объектом нашего исследования стал лексический выбор казахско-русских билингвов в предложенных условиях. Таким образом была сформулирована цель нашего исследования — проверить, влияет ли глобальный языковой контекст на лексический выбор у казахско-русских билингвов, и как этот эффект соотносится со сведениями о языковых профилях испытуемых.

Материал и методы исследования

Материалом нашего исследования послужили данные о прохождении экспериментальных проб 17-ю казахско-русскими билингвами казахстанского происхождения. В эксперименте приняли участие 13 женщин и 4 мужчины возрастом от 20 до 49 лет, 14 из которых имеют высшее образование, 3 — основное среднее. Пробы выполнялись участниками дистанционно и лично в специально организованном пункте. Оценка языкового профиля билингвов производилась с помощью специально разработанной автором исследования анкеты для определения L1 (первого, ведущего языка у билингва) и L2 (второго языка). Таким образом, в исследовании приняли участие 6 участников с русским L, 4 участника с казахским L1, и 7 участников со сбалансированными языковыми навыками.

В качестве отдельного шага исследования следует выделить подбор стимульного материала эксперимента, в основу которого вошли данные о базе языковых стимулов, которую предложили Ю.С. Акинина и коллеги [12], которая содержит изображения и существительные, нормированные по психолингвистическим параметрам. Стимулы для нашего эксперимента были выбраны нами из базы вручную согласно следующим критерием: высокая степень совпадения номинации (большинство носителей языка

называют изображение одинаково), невысокий индекс разнообразия номинации (изображение имеет мало синонимичных вариантов номинации), высокие индексы представимости и знакомости объектов, индекс усвоения единицы носителями в раннем возрасте. Также мы использовали дополнительные критерии отбора: стимулы-существительные были короткими или средними (1-3 слога); исключены были единицы, совпадающие в казахском и русском языках, а также так называемые «орфографические соседи» (единицы, совпадающие по звучанию или написанию, например, *бутылка* – *бөтелке*). Важным методологическим аспектом нашего исследования стало использование в эксперименте в качестве стимульного материала единиц-дистракторов — заведомо неверных вариантов номинации, выбранных из того же семантического поля, что и целевая единица. Дистракторы были приведены к визуальному и фонетическому соответствию с целевыми единицами (одинаковое количество слогов, созвучность, сходные сочетания букв) — таким образом, «верные» и «ложные» единицы имели определенную степень визуальной, фонетической и семантической близости. Такой подход обусловлен формулировкой главного вопроса исследования: при предъявлении инструкции на одном из языков выбирают ли казахско-русские билингвы ответы на этом языке чаще, даже если это неточные варианты номинации?

Экспериментальная методика нашего исследования была сформулирована следующим образом. На экране кратковременно (1 секунда) фиксируется изображение и два варианта номинации: на русском и казахском языках, при этом одна из единиц могла оказаться дистрактором. От участника требовалось быстро и интуитивно выбрать ту единицу, которая, на его взгляд, ближе всего соотносится с предложенным изображением. Глобальный языковой контекст эксперимента моделировался с помощью инструкции на казахском или русском языке. Методика эксперимента, а также время предъявления стимулов соответствуют опыту современных исследований в области психолингвистики, посвященных лексическому выбору и языковой конкуренции у билингвов [\[13, 14, 15\]](#).

Результаты исследования

В рамках экспериментальной задачи среди 6-и участников с русским L1: 4 получили инструкцию на русском языке, 2 получили инструкцию на казахском языке. Среди 4-х участников с казахским L1: 1 получил инструкцию на русском языке, 3 получили инструкцию на казахском языке. Среди 7-и участников со сбалансированными навыками: 3 получили инструкцию на русском языке, 4 получили инструкцию на казахском языке. В процессе эксперимента каждому участнику было предъявлено 27 рандомизированных проб на основе подготовленного нами перечня стимулов (таблица 1). В процессе предъявления был соблюден баланс сторон, пробы предъявлялись в случайном порядке, а также было рандомизировано предъявление дистракторов.

1.«Верно» (рус.)	2.«Верно» (каз.)	3.«Неверно» (рус.)	4.«Неверно» (каз.)
аптека	дәріхана	болезнь	ауру
бабушка	әже	внучка	немере
береза	қайың	лист	жапырақ
больной	науқас	здоровье	денсаулық
брюки	шалбар	карманы	қалта
верблюд	түйе	животное	жануар
вишня	шие	фрукт	жеміс
водитель	жүргізуші	транспорт	кәлік

едина	жүзі	транспорти	қол
волк	қасқыр	хвост	құйрық
волосы	шаш	расческа	тарақ
врач	дәрігер	больница	емхана
глаз	көз	лицо	бет
голова	бас	волосы	шаш
гора	тау	степь	дала
груша	алмұрт	яблоко	алма
дверь	есік	комната	бөлме
девочка	қыз	платье	көйлек
дождь	жаңбыр	снег	қар
дом	үй	стол	үстел
звезда	жұлдыз	угол	бұрыш
клубника	құлпынай	малина	таңқурай
ключ	кілт	замок	құлып
ковер	кілем	пол	еден
корова	сиыр	молоко	сүт
кошка	мысық	хвост	құйрық
палец	саусақ	рука	қол
цветок	гүл	лист	жапырақ

Таблица 1. Перечень стимульных материалов эксперимента (основные единицы и дистракторы). Источник: составлена автором

Всего в нашем эксперименте участникам было предъявлено 459 проб. Из них ответ был получен в 262-х пробах, пропуски были зафиксированы в 197-и пробах. Отсутствие ответа в некоторых пробах является естественным следствием методики предъявления стимулов, а также поставленной перед участниками задачи быстрого интуитивного выбора. По результатам анализа 262-х валидных проб мы отметили, что поведение испытуемых в рамках эксперимента явно соотносилось с характеристиками их языковых профилей.

Испытуемые с русским L1 продемонстрировали парадоксальную приверженность ответам на казахском языке. При предъявлении инструкции на русском языке эти участники дали больше ответов на казахском языке (40 ответов) по сравнению с ответами на русском языке (29 ответов). При этом 5 раз был выбран дистрактор на казахском языке и 5 раз — дистрактор на русском языке. При предъявлении инструкции на казахском языке испытуемые в этой группе 12 раз ответили на русском языке и 10 раз на казахском. При этом 3 раза был выбран дистрактор на казахском языке и 2 раза — дистрактор на русском языке.

Испытуемые с казахским L1 продемонстрировали наиболее устойчивое языковое поведение из всех групп. При предъявлении инструкции на русском языке эти участники дали 13 ответов на казахском языке и 4 ответа на русском языке. Особенно примечательно, что при этом не было выбрано ни одного дистрактора на казахском языке, и был выбран лишь 1 дистрактор на русском языке. При предъявлении инструкции на казахском языке участники 19 раз ответили на казахском языке и 6 раз на русском. Также примечательно, что при этом 3 раза был выбран дистрактор на казахском языке, и ни одного — на русском языке.

Испытуемые со сбалансированными навыками продемонстрировали сдвиги в выборе языка в обе стороны, а также ошибались чаще по сравнению с другими участниками.

При предъявлении инструкции на русском языке участники дали 40 ответов на казахском языке и 15 ответов на русском языке. При этом было выбрано 6 дистракторов на казахском языке и 7 дистракторов на русском языке. При предъявлении инструкции на казахском языке испытуемые дали 43 ответа на русском языке и 31 ответ на казахском языке. При этом было выбрано 2 дистрактора на казахском языке и 4 дистрактора на русском языке. Описанные данные визуализированы ниже на рисунке 1.

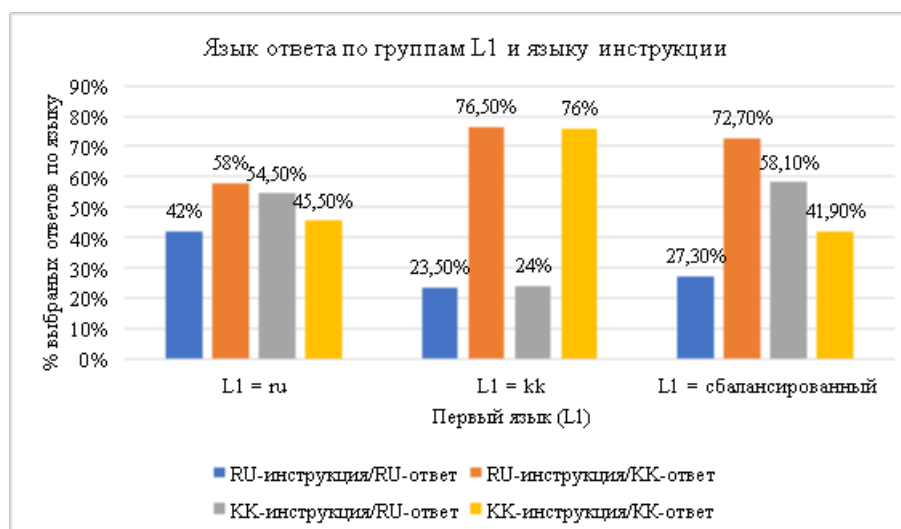

Рисунок 1. Язык ответа по группам L1 и языку инструкции. Источник: составлено автором

Отдельно представим визуализацию данных о распределении дистракторов (то есть, о количестве совершенных ошибок) в рамках выполненных участниками проб на рисунке 2.

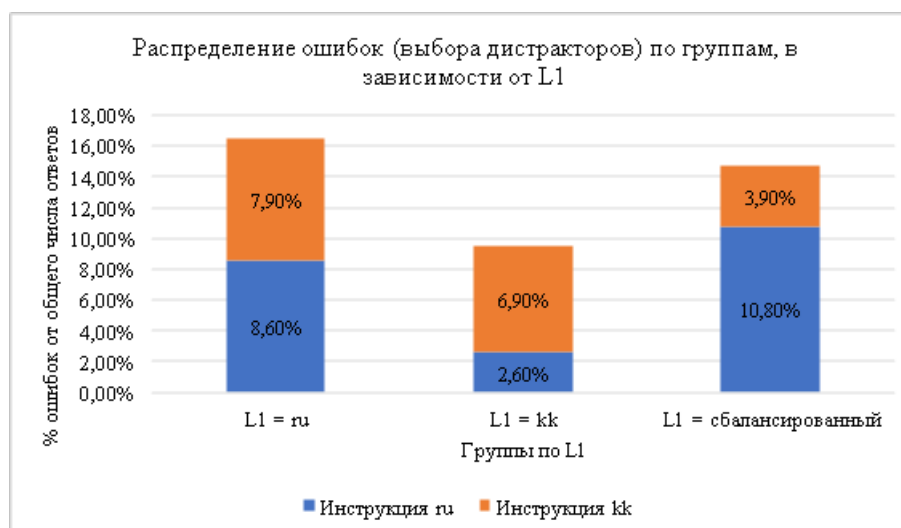

Рисунок 2. Распределение ошибок (выбора дистракторов) по группам, в зависимости от L1. Источник: составлено автором

Чтобы исключить вероятность случайного распределения ответов в полученных нами данных, мы рассчитали χ^2 -критерий Пирсона на основе таблицы сопряжённости,

отражающей распределение языков ответа для каждой комбинации языкового профиля и языка инструкции. Полученное значение $p=0,0013$ оказалось ниже уровня значимости $\alpha=0,05$, стандартно применяющегося в научных исследованиях [16, 17, 18]. Значит, связь переменных в нашем массиве данных можно считать статистически значимой, то есть связь переменных и результатов не может быть объяснена случайным распределением.

Дискуссия

Испытуемые с русским L1. В этой группе участников глобальный языковой контекст имел обратный эффект: при предъявлении инструкции на любом языке участники чаще выбирали ответы на казахском языке, в том числе — ошибочные. Соотносимы результаты в своем исследовании получили М. Паради и коллеги, которые исследовали поведение детей-билингвов, говорящих на английском и французском [19]. Дети с доминирующим английским языком чаще использовали английский даже в установленном французском контексте, потому что осознавали допустимость использования английского как основного языка среды. Дети с доминирующим французским старались придерживаться английского, так как контекст коммуникации осознавался ими как англоязычный. То есть, на языковое поведение детей влиял не только предустановленный языковой контекст эксперимента, но также и выходящий за пределы экспериментальной задачи языковой контекст всего взаимодействия в целом. В нашем исследовании испытуемые тоже могли регулировать свои ответы, так как осознавали ситуацию эксперимента как относящуюся к казахской языковой среде и стремились подчеркнуть свою принадлежность к казахоязычному сообществу.

Испытуемые с казахским L1. Вне зависимости от языка предъявленной инструкции эти участники чаще всего выбирали ответы на казахском языке. При этом испытуемые в этой группе реже выбирали дистракторы. Также, как в группе с доминирующим русским языком, в анализе результатов проб этой группы должна быть учтена также дополнительная макропеременная — доминантный язык среды, на фоне которого разворачивается коммуникация. Казахский язык как наиболее культурно и символически значимый код в казахстанской языковой действительности на сегодняшний день имеет наибольший вес в общественном дискурсе. Эта переменная может преобладать над заданными экспериментом условиями коммуникации и определять языковое поведение билингвов этой группы.

Испытуемые со сбалансированными навыками продемонстрировали тенденцию выбирать ответы на языке, противоположном языку инструкции. Такие результаты соотносятся с теорией А. Бруин и С. Мартина об одновременной и параллельной активации языков у билингвов [20], которые оказались склонны свободно переключать код согласно личному предпочтению. Также доказано, что в ситуации, допускающей произвольный выбор языка ответа, билингвы демонстрировали улучшение исполнительных когнитивных функций [21]. Кроме того, принудительное ограничение переключений кода и установка строго монолингвального языкового контекста ухудшала результаты проб у билингвов [21, 22]. Так, в работе Т.Х. Голлана и коллег [8] билингвы при чтении вслух текста со смешанным кодом часто произносили слово не на том языке, на котором оно было написано. Такие ошибки в основном случались в первом языке участника, особенно когда требовалось удержание внимания на недоминантном языке. Это подтверждает: намеренное подавление доминантного языка и концентрация на втором языке могут быть нестабильными и приводить к «прорывам» нецелевого языка [23].

В нашем исследовании принудительное ограничение языкового контекста эксперимента

с помощью языка инструкции могло вызвать сопоставимый эффект. Привычный режим языкового функционирования сбалансированных билингвов представляется как постоянная и одновременная активация сразу двух языков. В таких условиях необходимость подавить второй язык требует от билингвов дополнительных когнитивных усилий, в результате чего возникает конфликт управления языковыми системами и конкуренция языковых систем. Этим может быть объяснен частый выбор ошибочных ответов сбалансированными билингвами, а также приверженность к ответу на противоположном языке — таким способом билингв может пытаться неосознанно вернуться к привычному билингвальному способу коммуникации.

Заключение

Таким образом, анализ данных показал, что в рамках нашего эксперимента имела место корреляция переменных — глобального языкового контекста и характеристиками языкового профиля казахско-русских билингвов. Полученные данные удалось интерпретировать в форме трех практических выводов. Во-первых, глобальный языковой контекст, смоделированный инструкцией, действительно повлиял на лексический выбор у казахско-русских билингвов в нашем эксперименте. Важным итогом нашего исследования стал вывод о том, что эффект глобального контекста неоднороден для разных типов билингвов и находится во взаимосвязи с индивидуальными характеристиками их языковых профилей. Участники с разным доминантным языком продемонстрировали разное поведение в предложенных условиях. Наши данные показали, что монолингвальная установка через глобальный языковой контекст может активировать не только целевой язык, но и нецелевой.

Во-вторых, значимой переменной стал L1 участников. Так, например, участники с казахским L1 продемонстрировали наиболее устойчивое поведение: показали высокую приверженность ответам на казахском языке и высокую успешность прохождения проб (допускали меньше ошибок).

В-третьих, в результате интерпретации полученных данных к формальным количественным показателям была присоединена качественная переменная, представляющая собой комплекс макросоциолингвистических факторов. В нашем исследовании значимыми для результата оказались представления билингвов о текущей коммуникативной ситуации и восприятие ими ситуации общения как билингвальной. Также в одной из групп значимым для результата оказался социокультурный статус и престиж казахского языка как доминантного языка всего казахстанского сообщества.

Таким образом, механизм языкового выбора у билингвов представляется как многоаспектный процесс, на работу которого могут в равной степени повлиять эксплицитные коммуникативные установки ситуации общения и имплицитные индивидуальные особенности языковых компетенций. Важно учитывать, что локальные особенности каждой отдельно взятой коммуникативной ситуации не являются единственным фактором, определяющим выбор кода: билингв может регулировать свое языковое поведение и языковой выбор в соответствии с глобальными языковыми тенденциями, личными предпочтениями и представлениями о языках, языковым ландшафтом, статусом языков и языковым фоном коммуникации. Глобальный языковой контекст в этих условиях выступает как важный медиатор стратегии коммуникации, проявляющийся в соотношении с индивидуальным языковым профилем казахско-русского билингва и регулирующий языковой выбор в совокупности с прочими языковыми и социальными факторами.

Библиография

1. Nurtazina M., Kesner J., Alefirenko N., Shakhputova Z. Linguistic and extralinguistic factors of code-switching as a process of contacting languages // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2019. – Vol. 298. – P. 577-583.
2. Доминикан А. И. Виды контекстов при разных научных подходах // *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. – 2017. – № 4. – С. 125-131. EDN: ZURPBV.
3. Кирсанова И. В., Шияпова А. А., Фатхулова Д. Р. Контекст и его роль в процессах понимания текста (на материале психолингвистического исследования) // *Современное педагогическое образование*. – 2021. – № 4. – С. 279-284. EDN: TQBULN.
4. Slama-Cazacu T. Langage et contexte: Le problème du langage dans la conception de l'expression et de l'interprétation par des organisations contextuelles. – Gravenhage : Mouton, 1961. – 251 p.
5. Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // *Филологические науки*. – 1978. – № 1. – С. 95-100.
6. Van Heuven W., Dijkstra T., Grainger J. Orthographic neighborhood effects in bilingual word recognition // *Journal of Memory and Language*. – 1998. – № 39. – С. 458-483. EDN: GXUPFZ.
7. Green D., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // *Journal of Cognitive Psychology*. – 2013. – Vol. 25. – № 5. – P. 515-530.
8. Gollan T. H., Goldrick M. A switch is not a switch: Syntactically-driven bilingual language control // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2018. – Vol. 44. – № 1. – P. 143-156.
9. Parshina O., Smirnova A., Goldina S., Bainbridge E. The effect of the global language context on bilingual language control during L1 reading // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2025. – Vol. 28. – № 2. – P. 577-587. DOI: 10.1017/s1366728924000658. EDN: EQFHJM.
10. Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 468-482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482. EDN: SAOAVQ.
11. Жук А. И., Ихсанова С. И., Кенжебекова Д. Р., Щербакова В. А. Социолингвистический профиль билингвов в Казахстане: языковая идентичность и доминирование // *Вестник Ахметжан Бокейхан Университета*. – 2024. – Т. 4. – № 63. – С. 113-121.
12. Акинина Ю. С. Библиотека стимулов "Существительное и объект": нормирование психолингвистических параметров / Ю. С. Акинина и др. // *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов*. – Калининград, 23-27 июня 2014 г. – Калининград : [б.и.], 2014. – Вып. 6. – С. 112-114.
13. McRae K. Abstract Concepts and Pictures of Real-World Situations Activate One Another // *Topics in Cognitive Science*. – 2018. – Vol. 10. – № 3. – P. 518-532.
14. Martin C. D., et al. Processing of Synonyms and Homographs in Bilingual and Monolingual Speakers // *Journal of Cognition*. – 2024. – Vol. 7. – № 1. – Article 4. – P. 1-19. DOI: 10.5334/joc.329. EDN: CSLWES.
15. Sá-Leite A. R., Comesaña M., Acuña-Fariña C., Fraga I. A cautionary note on the studies using the picture-word interference paradigm: the unwelcome consequences of the random use of "in/animates" // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – Article 1145884. – P. 1-14.
16. Creemers A., Davies A. G., Wilder R. J., Tamminga M., Embick D. Opacity, transparency, and morphological priming: A study of prefixed verbs in Dutch // *Journal of Memory and Language*. – 2020. – Vol. 110. – Article 104055. – P. 1-20.

17. Khorsheed A., Wilson C., Schumacher P. What second-language speakers can tell us about pragmatic processing // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17. – № 3. – e0263724. – P. 1-20.
18. Ляшевская О. Н., Пыжак Ж. В., Виноградова О. И. Word-formation complexity: a learner corpus-based study // Вестник РУДН. Серия "Лингвистика". – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 435-460. DOI: 10.22363/2687-0088-31187. EDN: UXCMMV.
19. Paradis J., Nicoladis E. The Influence of Dominance and Sociolinguistic Context on Bilingual Preschoolers' Language Choice // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2007. – Vol. 10. – P. 277-297.
20. Bruin A., Martin C. Perro or txakur? Bilingual language choice during production is influenced by personal preferences and external primes // Cognition. – 2022. – Vol. 222. – Article 104995. – DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104995. EDN: GGOFZA.
21. Blanco-Elorrieta E., Pylkkänen L. Bilingual language switching in the laboratory versus in the wild: The spatiotemporal dynamics of adaptive language control // Journal of Neuroscience. – 2017. – Vol. 37. – № 37. – P. 9022–9036. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0553-17.2017.
22. Jevtović M., Duñabeitia J. A., de Bruin A. How do bilinguals switch between languages in different interactional contexts? A comparison between voluntary and mandatory language switching // Bilingualism: Language and Cognition. – 2020. – Vol. [не указано].
23. Бойкова С.Е. Эксперимент с картинками со сквозным персонажем: анализ билингвального нарратива // Litera. 2020. № 10. С. 37-50. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.10.33904 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33904

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора